

самим процессом общения, когда в ходе общения не возникает чувства досады, длительных пауз и т.п.); отсутствием трудностей (в первую очередь напряженности, скованности, внутренних преград, зажатости и пр.).

Таким образом, коммуникативным показателем успешности неформального межличностного общения является его спонтанность, легкость, обеспеченная речевыми навыками и хорошей саморегуляцией, удовлетворенность общением вследствие достижения психологического контакта и взаимопонимания. При этом удовлетворенность общением и отношениями определяется как характеристика субъективной стороны межличностных отношений на сознательном и бессознательном уровнях; психологическое состояние, обладающее мобилизующим эффектом во многих видах речевой деятельности; включает чувство полноценности и стабильности межличностных отношений при отсутствии страхов, подозрительности, напряженности, чувства одиночества.

Успешность в коммуникации проявляется в достижении и сохранении психологического контакта с партнером в целях стабилизации межличностных отношений на их оптимальной стадии развития через достижения совместимости, согласия, взаимной приспособленности и удовлетворенности путем гибкой корректировки целей, умений и состояний, способов воздействия в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

Успешность определяется скорее не как единичный результат, но как процесс, в который оба партнера должны сделать равный вклад, чтобы достигнуть состояния взаимной удовлетворенности.

Основными критериями успешности общения следует считать легкость, спонтанность, свободу, контактность, коммуникативную совместимость, адаптивность и удовлетворенность.

Возвращаясь к вопросу о стадиях доверительного общения, следует заметить, что контактность и коммуникативная совместимость обеспечивают переход к стадии коммуникативной успешности, на которой возникает эффект эмоциональной поддержки и сочувствия, взаимопонимания. Кульминационную стадию доверительного общения знаменует чувство психологической близости и безусловного принятия друг друга.

Итак, успешность доверительного общения рассматривается как определенный результат по преодолению трудностей и коммуникативных барьеров, накоплению позитивного опыта взаимодействия, как непростой путь к согласию и созвучию, эмоциональному и пси-

хологическому резонансу, который, в конечном итоге, выливается в ощущаемое и переживаемое чувство человеческой близости.

Как интегральная характеристика коммуникативного поведения человека, успешность общения развивается с возрастом, по мере приобретения и расширения круга социальных умений, роста доверия к себе и своим возможностям.

Т.Е. Гревцова
Ростов-на-Дону, Россия

КУЛЬТУРНЫЙ ТЕРМИН «ХЛЕБ-СОЛЬ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ СВАДЬБЕ

Не вызывает сомнения тот факт, что набор значений слова, зафиксированных в словаре, не тождествен всем значениям данного слова в живой речи, тем более в речи диалектной. Н.И. Толстой указывал на необходимость при выявлении значений отдельного слова помимо лексической семантики описывать и коннотативную семантику, в том числе те дополнительные оттенки значения, которые не получают выражения в словарях, – «экстралингвистические коннотации» [Толстой 1995: 289–291]. Кроме того, описания обрядов и верований содержат слова, принадлежащие одновременно и языку, и культуре, – специальную терминологию, называющую семиотически значимые для культуры реалии. Такая терминология заслуживает комплексного этнолингвистического изучения [Голстая 2008: 211]. В восточнославянской традиции в качестве таких культурных терминов могут рассматриваться лексемы *хлеб* и *хлеб-соль*.

У славян, как и у других народов, занимающихся земледелием, хлеб получил осмысление в качестве сакрального вида пищи, дара Божьего, символа достатка и благополучия [Байбурин 1990: 140]. Возможно, с этим связано и развитие семантической структуры лексемы *хлеб* от первичного значения ‘продукт, выпекаемый из муки’ к значениям ‘пища, пропитание’ и ‘средства к существованию’. Они послужили основой для развития семантической парадигмы лексемы *хлеб-соль* (‘угощение’, ‘еда, стол, пропитание’, ‘содержание кого-нибудь на хлебах’) [ССРЛЯ 17: 171–176].

Значения дериватов от лексемы *хлеб-соль* (*хлебосол*, *хлебосольный*, *хлебосольство*) имеют общую с синонимами *гостеприимный*,

гостеприимство сему радушной встречи гостей, но в отличие от них подразумевают прежде всего обильное, щедрое их угощение: «Если человек может предложить своим гостям только чай с сушками, то он может быть назван гостеприимным, но не хлебосольным. Для хлебосольного хозяина угощение – это праздничный ритуал, и он радуется, когда гости едят много и с удовольствием» [Апресян 2003: 234]. Отсюда такие коннотации лексемы *хлеб-соль*, как ‘праздничная пища’, ‘богатое и щедрое угощение’. Данные оттенки значения получают отражение в употреблении хлеба в сочетании с солью во многих славянских обрядах, в обозначении термином *хлеб-соль* практически всех видов выпечки и пищи в целом при описании таких ритуалов носителями традиции (и ее собирателями вслед за ними). Одним из таких ритуалов является свадебный обряд, в котором различные виды выпечки, в том числе изготавливаемые специально для свадьбы, отличаются богатством форм и терминологии.

В восточнославянских диалектах у термина *хлеб-соль* выделяется значение соединения выпеченного из муки продукта и соли, не зафиксированное в словарях литературных языков. Кроме того, в говорах лексемы *хлеб* и *хлеб-соль* обнаруживают достаточно широкую семантическую вариативность и соотносятся с большим количеством денотатов. В восточнославянских говорах термины *хлеб* и *хлеб-соль* могут обозначать не только повседневную выпечку, но и изделия из теста, изготавливаемые специально для обрядового употребления и получающие символическое значение в ритуале. В описаниях восточнославянской свадьбы наименования *хлеб* и *хлеб-соль* часто заменяют собой такие наименования со значением обрядовой выпечки, как *каравай*, *калач*, *круглик*, *тиrog*, *курник*, *рыбник*, *шишка* и др. Текст, записанный в Советском районе Ростовской области, иллюстрирует данное утверждение: «*Ну жаных с матирью и атцом прияжсятъ. У них, значитъ, хлеп круглыи, каравай. Соль паложына на хлеп, палатенцы. Эта каравай если ана ровна разрежыть, палавинки адинакавыи, значитъ, ровна жыть будуть*» [ПМДЭ ЮФУ]. В этом эпизоде свадьбы свойства хлеба определяют характер будущей жизни молодых: ровные половинки каравая обеспечивают спокойную, «ровную» жизнь новой семьи. Следует отметить, что корреляция «хлеб – судьба человека» является характерной для всех славянских культур, что находит отражение и в свадебном обряде, в частности ритуальных действиях с хлебом, направленных на обеспечение благополучной жизни новой семьи [Байбурин 1990: 141]. Например, в Тверской области кусочки хлеба с солью завязывают в узелки и хранят их, полагая, что

до тех пор будет продолжаться мир и согласие в семье, пока будет сохранен этот хлеб [Шаповалова 1985: 115].

Термин *хлеб-соль* используется для описания действий с выпечкой и угощением в целом на начальных этапах свадьбы (сватовство, рукобитье, запой), в обряде встречи и благословения новобрачных в доме жениха. Для обозначения видов выпечки, использующихся в главном свадебном застолье, данный термин не характерен.

В обрядах предсвадебного периода, направленных на установление контакта между двумя родами, достижение договоренности о предстоящем браке, обсуждение условий его совершения, символические действия с хлебом, совершаемые во время сватовства, во многом повторяются при следующих посещениях стороной жениха дома невесты. Конструкции, обозначающие действия с выпечкой в этих обрядах (например, *принять хлеб (хлеб-соль)*, *поставить хлеб (хлеб-соль) на стол*), могут использоваться для описания действий как с выпечкой, так и с принесенным сватами угощением, в составе которого часто присутствовал и хлеб. Эти словосочетания обозначают обрядовую ситуацию, при которой сваты просят разрешения родителей невесты поставить принесенную пищу на стол или предлагают последним *принять хлеб-соль*. Положительный ответ считается согласием начать разговор о предстоящем браке.

Словосочетания *ломать хлеб (хлеб-соль)*, *резать (разрезать) хлеб (хлеб-соль)*, *обменяться хлебом (хлебом-солью)* обозначают обрядовые действия, производившиеся непосредственно с выпечкой. Следует отметить, что обмен хлебом, символизировавший заключение брачного договора, установление родственных отношений между сторонами невесты и жениха, характерен для многих эпизодов восточнославянского свадебного обряда [Агапкина 1999: 461]. При этом обмен таким предметом, как хлеб, получающим символическое значение в обряде и являющимся основным предметом дара у всех славян, был направлен не только на установление новых социальных связей, но и на программирование богатства и благополучия для новой семьи. Обмен мог производиться как целыми печеными изделиями, так и их частями. Это иллюстрирует текст, записанный в Кумылженском районе Волгоградской области: «*Сваты приносятъ хлеп тожсы, и атципливаютъ ат этава хлеба, атципливаютъ. Эти ат этава хлебушка атципливаютъ. Как миняюца, вроди, кусочкями*» [ПМДЭ ЮФУ].

Разделение и раздача хлеба, получающие многократное воплощение в свадьбе, символизируют разделение общей доли между все-

ми участниками обряда и получение молодыми новой доли, нового социального статуса вместе с частью обрядового хлеба [Байбурин 1998: 79–80]. Кроме того, во многих культурах ритуальное преломление хлеба символизирует скрепление договора, клятвы [Байбурин 1990: 142]. На восточнославянской территории существует запрет разрезания хлеба ножом во время сватовства. В требовании разломывания хлеба акцент делается не на самом действии, а на запрете использовать металлические предметы, существующем в похоронном обряде. Мотив разрушения целостности в свадебном обряде воплощается не только в действиях с обрядовым хлебом, но и с другими предметами (посуда, свадебное деревце, венок и т.д.). Символическая перемена статуса невесты получает выражение в конструкциях, имеющих значения ‘выйти замуж’ и ‘уйти из дома, из семьи’, где женившиеся, выданые замуж сравниваются с отрезанным ломтем хлеба (*отрезана скиба от хлеба, отрезанная краюха*) [Власкина 2009: 266]. В сознании носителей донской традиции данное выражение может быть связано с ситуацией сватовства или с эпизодом перевоза приданого невесты: «*Сваты приносять булку хлеба, ложать на стол, а невеста разрезать и во папалам. Уже ана атрезала скибу ат хлеба*» [ПМДЭ ЮФУ]; «*Везти (нести) подушки означает, что скиба отрезана от хлеба: «Ушол из дома или замуши аддали, эта уже атрезана скиба от хлеба, ни приклемши*» [Брысина 2003: 65].

Лексемы *хлеб* и *хлеб-соль* могут обозначать изделия из теста, с которыми совершаются обрядовые действия во время встречи молодых в доме жениха. Словосочетание *встречать хлебом-солью* закрепилось и в литературных языках восточных славян со значением ‘выходить с хлебом и солью в знак радушной встречи гостя’ [ССРЛЯ 17: 171; ВТССУМ: 1563]. В украинском языке у лексемы *хлеб-соль* существует значение выпечки, подносимой в знак уважения почетным гостям [СУМ 11: 83]. Ритуальные действия, отмечающие приход новобрачных в дом молодого супруга, отличаются разнообразием во всех славянских традициях. Выпеченное изделие могли разламывать над головами молодых, новобрачных и всю свадебную процессию проводили под поднятым хлебом, ломали и раздавали его всем присутствующим, жених с невестой целовали хлеб, откусывали кусок выпечки и по размеру этого куска судили о том, кто будет хозяином в доме. Данные символические действия обозначаются выражениями *подходить под хлеб, разломить хлеб на голове, переломить хлеб, раздать хлеб* и т.п. В таких конструкциях выпечка может обозначаться другими лексемами, в зависимости от вида изделия (кара-

вой, калач, курник, пирог, кулебяка, шишка, встречник и др.). Данные формы выпечки в обряде, как и хлеб, могут соединяться с солью: например, в Костромской области «встречают молодых родители карающим с солью, иконой» [Шаповалова 1985: 266].

Во время обряда встречи молодых или сразу после него происходит благословение молодых иконой и хлебом (хлебом-солью). При описании данного эпизода практически повсеместно используется лексема *хлеб-соль*. В Тульской области для обозначения роли хлеба в данном эпизоде использовалось выражение *огородить молодых хлебом-солью* со значением ‘защитить, обезопасить, предохранить’, акцентирующее внимание на том, что основная функция хлеба при переходе новобрачными порога – границы между своим и чужим пространством – защита от неблагоприятных влияний со стороны злых сил [СРНГ 22: 342].

Для обозначения форм выпечки, с которыми совершаются ритуальные действия во время главного свадебного застолья и его центрального эпизода – обряда даров, лексемы *хлеб* и *хлеб-соль* используются редко. Исключение составляют конструкции *хлеб-соль началовать, хлеб-соль поначаловать, зафиксированные в пермских и красноярских говорах* [СРНГ 20: 279; СРНГ 29: 252]. В данных выражениях лексема *хлеб-соль* используется не для описания форм свадебной выпечки, а в значении праздничного угощения. Описание свадебного пира отличается разнообразием терминов, обозначающих как виды обрядового хлеба, так и его отдельные части. Это может быть обусловлено тем, что одаривание молодых – это кульминация свадьбы, когда происходит разделение и раздача свадебного хлеба, символизирующие перераспределение общей доли и получение молодыми нового социального статуса [Байбурин 1998: 79–80].

Амбивалентность употребления лексем *хлеб* и *хлеб-соль* для обозначения обрядовой выпечки в восточнославянских диалектах может служить доказательством осознания их как синонимов носителями традиции. Однако в описаниях восточнославянской свадьбы лексема *хлеб-соль* в значении ‘пища’ практически не обнаруживает синонимических связей со словом *хлеб*, несмотря на то, что именно эта сема является общей для лексем *хлеб* и *хлеб-соль* в литературных языках. В восточнославянских диалектах у термина *хлеб-соль* существует значение соединения изделия из теста и соли, кроме того данная лексема, как было показано выше, соотносится с большим количеством денотатов, обозначает различные формы выпечки, с которыми совершаются символические действия в обряде.

Большая часть «этнофразем», содержащих лексему *хлеб-соль*, являются аналитическими терминами, практически лишенными об разности, метафоричности: они называют «реальные обрядовые действия». Е.В. Брысина считает это причиной того, что конструкции, обозначающие ритуальные действия с хлебом, находятся «на дальней периферии фразеологического поля диалекта» [Брысина 2003: 70]. Однако лексема *хлеб-соль*, использующаяся для описания символовических действий с хлебом в свадебном обряде восточных славян, оказывается заглавием различных обрядовых текстов, что позволяет рассматривать ее в качестве культурного термина.

Литература

1. Агапкина, Т.А. Обмен / Т.А. Агапкина // Славянские древности. Т. 2. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 460–462.
2. Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1417 с.
3. Байбурин, А.К. Обрядовое перераспределение доли у русских / А.К. Байбурин // Судьбы традиционной культуры. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. – С. 78–82.
4. Байбурин, А.К. У истоков этикета / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 168 с.
5. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.–Л., 1950–1965.
6. Брысина, Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е.В. Брысина. – Волгоград : Перемена, 2003. – 293 с.
7. Власкина, Н.А. Концепт судьба в языке и культуре донских казаков / Н.А. Власкина, А.В. Стакеева // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 376 с.
8. ВТССУМ – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. и голов. ред. В.Т. Бусел. – К. : Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
9. ПМДЭ ЮФУ – Полевые материалы диалектологических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета.
10. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. – М.–Л. : Наука, 1965–2007.
11. СУМ – Словник української мови. Вып. 1–11. – К. : Наукова думка. – 1970–1980.
12. Толстая, С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С.М. Толстая // Пространство

слов. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М. : Индрик, 2008. – С. 210–225.

13. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
14. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. – Л. : Наука, 1985.

И.В. Горбунова
Ставрополь, Россия

КОННОТАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОДГРУППЫ «ПРЕСТУПНЫЕ, АНТИСОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ГРУППИРОВКИ»

Целью нашей статьи является описание семантических свойств, особенностей, коннотаций, структурной организации лексико-семантической подгруппы имен существительных со значением совокупностей лиц «Преступные, антисоциальные объединения, группировки».

Поставленная цель предполагает решение нескольких задач, а именно: 1) выявить и описать строение и состав мотивированных имен существительных со значением совокупностей лиц; 2) выделить словообразовательные модели (СМ), образующие изучаемую лексико-семантическую подгруппу (ЛСПГ); 3) выявить и описать не только общие, но и специфические структурные и иные характеристики лексем, входящих в состав изучаемой ЛСПГ; 4) изучить вопрос о продуктивности/непродуктивности выявленных СМ; 5) описать значение лексем, составляющих данную подгруппу имен существительных.

Материалом для исследования послужили мотивированные имена существительные со значением совокупностей лиц, выбранные из словарей и текстов XX – начала XXI веков.

Произведена выборка указанных слов из следующих источников:

1. Словарь русского языка в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АН СССР, Ин-т русского языка, 1981–1984. – Т. 1–4.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М., 2000. – Т. 1–2.